

Анна Антонова

СОН
ЦАРЕВИЧА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Ответственный редактор *Екатерина Дмитриева*

Иллюстрация на обложке *Катерины Киланяц*

Дизайн обложки *Екатерины Петровой*

Антонова, Анна Евгеньевна.

А72 Сон Царевича : роман / Анна Антонова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-181760-2

Он не признавался даже самому себе, что ему нравится репетитор по английскому. Странная девушка будоражила воображение, но когда он это понял, было уже слишком поздно...

Она с трудом пришла в себя после тяжелой неприятной истории, случившейся в прошлом, и предпочла замкнуться в собственном мире. Общалась только с учениками, стараясь держаться отстраненно. Но когда один из них внезапно исчез, забеспокоилась, что парень попал в беду. Не отдавая себе отчета, зачем это делает, она решила отправиться на поиски...

«Перед ним во мгле печальной гроб качается хрустальный» — старая сказка. Новая гораздо страшнее...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова А., 2023

© Оформление.

ISBN 978-5-04-181760-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Опять он опаздывает. Почему этот парень всегда опаздывает? Вечно его приходится ждать. А у нее, между прочим, график смещается, приходится комкать занятие, чтобы уложиться в запланированное время, нервничать, что придет следующий, а она не успеет закончить с этим.

Она терпеть не могла, когда ученики пересекались, особенно если они сталкивались в прихожей. Там и так тесно, а становилось просто невыносимо находиться. Она и не находилась — предпочитала оставаться в комнате и оттуда наблюдать, как один быстро одевается и торопливо удаляется, радуясь, что наконец отмучился, а другой, наоборот, медленно раздевается, надеясь таким образом немного сократить время урока. Странные — неужели не знают, какие деньги платят их родители?

Резко зазвонил домофон, она вздрогнула от неожиданности и тут же разозлилась на себя:

чего пугаться, если ждет его уже добрых десять минут? Пока он поднимется и разделенется, пройдет еще как минимум пять, и занятие сократится на целых пятнадцать. Что скажут его родители — потребуют сделать перерасчет? Впрочем, откуда они узнают? Только если сам пожалуется, а она была уверена, что он этого не сделает.

Лязгнул лифт на ее этаже, и она, спохватившись, бросилась отпирать дверь, успокаивая тем самым свою совесть: хоть несколько мгновений, да сэкономит для этого балбеса. По тамбуру уже бухали шаги. Дверь распахнулась, буквально вылетев у нее из рук, и на пороге нарисовался он.

— Здравсьте, Вера Пална. Сорри за опоздание.

— Добрый день, — в тон отозвалась она и только потом удивилась: — Как вы меня назвали?

Она всегда обращалась к ученикам на «вы» независимо от возраста. Это их дисциплинировало, а ей помогало держать дистанцию. Правда, с ним получалось хуже всего.

— Ой, еще раз сорри, — нисколько не смутился парень. — Нам по литре «Что делать?» задавали, и вы мне ну очень главную героиню напомнили.

— Спасибо, — усмехнулась она. — Так изысканно меня еще никто не оскорблял. И что вы там читали — краткое содержание? Ни за что не поверю, будто сам роман Чернышевского.

— Какое же это оскорбление? Наоборот. А Чернышевского я и правда не читал. Но и по пересказу все понял...

Он пристроил куртку на крючок за капюшон — вешалка, как всегда, оторвана — и потянул за шиворот безразмерную толстовку.

— Не стоит, — остановила она. — У меня прохладно.

— А я, пока бежал, запарился, — простодушно признался он. — Прямо чувствовал, как вы меня ждете...

Она только вздохнула. Терпеть не могла, когда подростки раздевались в ее квартире, но куда деваться? Вечно после них потом проветривать надо. Прибегают после своих уроков, физкультуры, тренировок, танцев, прогулок, еще невесть чего, а ей приходится все это терпеть.

В подобные моменты у нее возникало иррациональное желание вернуться в школу. Хотя и там сейчас все изменилось, стало совсем не так, как во времена ее детства и последующей недолгой работы — теперь скорее ученик или родители могли сделать учителю замечание, а не наоборот. Но там хотя бы не было необходимости сидеть с оболтусами за одним столом. Она и дома старалась обеспечить дистанцию: усаживала учеников не рядом с собой, а напротив, по другую сторону стола. Понадобилось даже кое-какую перестановку сделать в ее крошечной квартирке, но оно того стоило.

У этого ученика, правда, все в порядке и с одеждой, и с внешним видом. Умеет пользоваться дезодорантом? Даже носки целые и выглядят чистыми.

— Тапочки наденьте, — спохватилась она.

Всегда держала наготове гостевые — специально купила для учеников целую упаковку разных размеров, но никто никогда не соглашался.

— Да я так, — отказался парень и, не дожидаясь приглашения, потопал в комнату.

Впрочем, какое приглашение, если от урока прошло уже добрых двадцать минут.

— Что у нас там сегодня, неправильные глаголы? — поинтересовался он, усевшись на привычное место за столом.

— Какие еще глаголы?

Очень захотелось назвать его по фамилии, чтобы прозвучало построже, но она почему-то ее не помнила. А ведь заключала договор с родителями. Может, фамилии не совпадали, поэтому и в памяти не отложилось?

— Неправильные, — с ухмылкой уточнил он.

— Сегодня у нас по плану — условные предложения, — строго проговорила она.

Он картинно закатил глаза:

— О нет! Давайте что-нибудь другое!

— Неправильные глаголы?

— Да хотя бы их.

— Тогда возвращайтесь в пятый класс, — невозмутимо сообщила она. — А если вы гото-

витесь к ЕГЭ, будьте добры открыть учебник на странице...

Она заставила себя сконцентрироваться на теме урока и почти успокоилась. Нельзя нервничать, когда имеешь дело с согласованием времен в условных предложениях. Как в том бородатом анекдоте про преподавателя: «Вот студенты тупые! Первый раз объясняю — не понимают. Второй — не понимают. Третий раз объясняю — уже сам понял...»

Он слушал внимательно, но по лицу трудно было догадаться, доходит ли до него этот понастоящему трудный материал.

— Елисей, вам понятно? — наконец спросила она, устав гадать.

Диковинное имя удалось выговорить почти без запинки. А ведь поначалу сбивалась, произнося его вслух. Казалось бы, столько лет работая с детьми, пора привыкнуть к любым именам в диапазоне от Гордея до Августины, но почему-то именно это казалось ей самым чудным и вычурным. Как бедный парень с ним живет?

Парень, впрочем, вовсе не выглядел бедным.

— Сорри, Виолетта Петровна, башка сегодня че-то ваще не варит, — признался он.

— Зачем же мы столько времени потратили? — не выдержав, взвилась она, даже не отреагировав на «Виолетту Петровну».

— Говорил же — давайте неправильные глаголы.

— Записывайте домашнее задание, — заявила она.

— Ну, Виктория Платоновна! — взмолился он.

— Согласование времен в условных предложениях, — продиктовала она непрерываемым тоном, пропустив мимо ушей очередную вариацию ее имени и отчества.

— А может, все-таки неправильные глаголы?

— Если не будет выполнено, позвоню родителям, — устав пререкаться, пригрозила она.

Он поднял руки:

— Ладно, вы выиграли.

Она взглянула на часы: странно, но время еще не вышло. Как ей удалось уложиться в срок с настолько сложной темой? Неудивительно, что он не понял, в каком времени использовать его любимые неправильные глаголы. Теперь придется разбираться самостоятельно... Ничего страшного. Напряжет мозги с пользой, а не только для того, чтобы выдумать, как позакорыстее к ней обратиться.

Почему она не пресекла это сразу? Зачем терпит, выслушивает всех этих «Виолетт» и даже иногда откликается? Могла бы тоже звать его Евсеем, Елизаром, Емельяном или как-нибудь еще... Сколько, оказывается, она знает удивительных имен! Впрочем, до фантазии некоторых родителей ей все равно далеко.

Парень одевался в прихожей, а она стояла в проеме, наблюдая за этим, казалось бы, совершенно обыденным делом. Худой, угловатый, гораздо выше ее и с трудом тут помещается — а все равно совсем еще ребенок. Елисей... Как же его фамилия?

Чуть было не спросила, но в последний момент удержалась. Что он тогда подумает: училка окончательно с катушек съехала? Или как они выражаются... Волей-неволей она была в курсе подросткового жаргона, но сейчас подходящего выражения припомнить не могла. Не уточнять же, в самом деле.

— Ладно, пошел я, — зачем-то озвучил он очевидное.

— До свидания, Елисей, — степенно отозвалась она. — В следующий раз жду вас подготовленным. И без опозданий.

Он козырнул ей, приложив ладонь к светлым волосам, и повернулся к выходу. Она двинулась было отпереть замок, но он нажал на ручку, и дверь просто открылась.

— Забыли закрыть, — укорил он. — Заходи кто хочешь, бери что хочешь?

Она махнула рукой:

— Что здесь брать?

— Вдруг меня украдут?

Она вздохнула. Это стало бы лучшим выходом.

* * *

Вначале по ушам резанул крик, и только потом он понял: это его собственный голос. Боль пронзила тело так внезапно, что опередила остальные раздражители, первой добравшись до мозга. Казалось, нервные окончания оголены. Это повторялось бесчисленное количество раз, но привыкнуть было невозможно. Он снова и снова давал себе слово молчать, но, похоже, его мучителей это не устраивало. Во рту неизменно оказывался пластик с металлическим привкусом — зубы и язык оставались целыми, он не мог задохнуться, о чем много раз мечтал. Но это мешало стискивать челюсти, и он просто не мог не кричать.

Казалось, от него ждали крика. Те, кто раз за разом проделывал это с ним, знали, когда он доходит до предела и надо остановиться, чтобы не сломать свою игрушку раньше времени. Не оставалось сил кричать, из охрипшего горла вырывались лишь сдавленные стоны, и мучи-

тели на время прекращали, безошибочно считывая сигнал. Именно поэтому они не могли позволить ему не кричать. А у него никак не получалось обмануть, сбить их с толку, скрыть, когда боль становится невыносимой.

Он надеялся отключиться, но за его состоянием внимательно следили и останавливались в тот момент, когда он оказывался на грани потери сознания. Это было особенно мучительно — всегда оставаться в одном шаге от спасительного беспометства, в которое так хотелось провалиться. Один раз почти получилось: перед плотно сомкнутыми веками замелькали радужные круги, постепенно стали черными и слились в бездонную пропасть, в которую его засасывало с пугающей быстротой. Но ему не дали ускользнуть — тело сотряс очередной разряд, и укол остался почти незамеченным. Он почувствовал только, как вливается в кровь адреналин, заставляя позвоночник выгибаться дугой, а пальцы — конвульсивно сжиматься.

Он мечтал расцарапать ладони, но был лишен даже такой малости — его ногти всегда коротко стригли, не разрешая делать это самому. Он почти привык, что собственное тело ему не принадлежит, но манипуляции с ножницами почему-то казались особенно унижительными. Ему не могли позволить даже минимально навредить себе — такое право существовало только у других.

Конечно, ему не давали в руки никаких острых предметов в те недолгие часы, когда он оставался один. Даже тогда он не был предоставлен самому себе — мигающий красный глазок камеры не позволял расслабиться и забытья хоть на минуту. Он давно перестал стесняться — привык постоянно находиться на виду даже в те мгновения, которые все нормальные люди предпочитают проводить в одиночестве. Все дело в том, что он не был ни нормальным, ни в полной мере человеком...

Глава 2

УСЛОВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Он опять опаздывал. Да сколько можно это терпеть? Надо позвонить его родителям и... Что? Пожаловаться: «Ваш сын не приходит вовремя на занятия?» Сама же и виновата останется. Услышит в ответ: «Что вы за репетитор такой, если ребенок к вам не торопится?» Она знала подобный типаж — чаще мамочек, но и папеньки порой попадались похуже самой заботливой нянечки. И плевать, что ребеночек выше ее ростом, говорит басом и несет от него, как от хоккеиста после тренировки. Она однажды ходила на каток и знала не понаслышке: после спортсменов хоть вовсе не заходи в раздевалку...

Впрочем, нет, все это неправда. Голос у Елисея не грубый, а вполне приятный, даже трогательный, особенно когда он неуверенно запинается, выговаривая особенно сложные английские слова. И не пахнет от него ничем, вернее, ничем противным, а запах лосьона или туа-